

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ,
ЛАБОРАТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ «ИСТОРИЯ И КОМПЬЮТЕР»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,
КАФЕДРА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ

**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ РОССИИ XIX–XX ВВ.
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Материалы научной конференции
(апрель 1998 г.)

Тамбов

**СООТНОШЕНИЕ КОГОРТНОГО И СПЛОШНОГО АНАЛИЗА
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА XIX – НАЧАЛА XX В.**

(по материалам прихода с. Малые Пунки Тамбовской губернии)¹

Практически одновременное включение тамбовских историков в середине 1990-х гг. в российско-голландский проект «Интегральная история на локальном уровне», начальной и важной стадией которого явилось изучение демографии отдельных населенных пунктов, и российско-американский проект «Историческая демография России, 1700–1914 гг.» почти сразу же поставило вопрос о необходимости сопоставления различных методов историко-демографического анализа, предложенных россиянам зарубежными коллегами [1].

В первом случае речь идет о выборочном изучении населения отдельных приходов, так называемых когорт по рождению (birth-cohorts), во втором – об исследовании демографического поведения всех прихожан конкретных церквей [2]. Конечно, по размерам объекты этих двух исследовательских подходов трудно сопоставимы. Говоря о конкретном приходе села Малые Пунки Козловского уезда Тамбовской губернии, отметим, что число членов когорт (по 120 человек, родившихся в 1811, 1831, 1851, 1871 гг.) для своих лет явилось достаточно представительным – 100% для 1811 г. (в этом году крещено даже меньше 120 человек и членов первой когорты пришлось добирать из родившихся в 1812 г.), для 1831 г. – 83%, для 1851 г. – 54%, для 1871 г. – 50%. Мы видим, что даже члены последней когорты составили значительно больше 20% всей совокупности родившихся в приходе, что считается репрезентативным по канонам социологии.

Приемлемым можно считать и интервалы между когортами в 20 лет, которые соответствовали характерным для традиционного российского общества отрезкам между вступлением в активную жизнь разных поколений (большинство русских крестьян около двадцатилетнего возраста заключали первые браки и начинали рождать детей, т.е. создавали семью, являвшуюся главной организующей формой их бытовой, хозяйственной, социальной и духовной активности). Сравнение основных показателей демографического поведения разных поколений конкретных представителей сельского населения (cohort-members) позволяет определить насколько изменения в россий-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 98-06-80035.

ском обществе XIX – начала XX в. влияли на коренные демографические показатели отдельных членов крестьянского сообщества.

Сплошной и когортный анализы рождаемости удачно дополняют друг друга, каждый в силу своих возможностей.

Учет при сплошном анализе всех родившихся при знании по ревизским сказкам численности населения прихода позволяет определить рождаемость в промилле.

Таблица 1.

Рождаемость прихожан с. М. Пупки в XIX в. (в ‰)

1816 г.	32
1859 г.	56
1862 г.	57
1881 г.	45

С одной стороны, показатель промилле является одним из наиболее объективных в демографии. Но, с другой стороны, применительно к России XIX в. им нужно пользоваться осторожно, т.к. колебания основных демографических показателей по годам были нередко существенными.

Так, данные 1816 г. о рождаемости в приходе с. М. Пупки представляются заниженными по сравнению со стандартами традиционного общества. Возможно, это еще одно подтверждение неполной регистрации священниками в начале XIX в. родившихся детей, что уже отмечалось С. Г. Кащенко и членами его группы в отношении Северо-Западного региона России.

По числу родившихся в рассматриваемом нами приходе 1816 г. являлся, с одной стороны, типичным для периода 1811–1816 гг. (в 1816 г. – 86 человек, в среднем за период – 83 человек), с другой стороны, – явно уступал 1818 г., когда число родившихся увеличилось до 119 человек (или на 12 ‰) и тем более 1820-м гг., в течение которых это число устойчиво находилось в пределах 130-150 в год.

В какой-то мере такие изменения могут быть связаны с улучшением церковной регистрации рождений. Отчасти это подтверждается и тем, что с конца 1810-х гг. более полной становится и регистрация смертей. Но можно ставить также вопрос (в качестве рабочей гипотезы) о снижении влияния тяжелых последствий войны 1812 г. В любом случае важно изучить, как эта очень напряженная для России война повлияла на демографическое поведение россиян, так сказать, на клеточном уровне (уровне отдельных населенных пунктов, семей, индивидов).

Данные о числе рождений в ‰ на 1859 и 1862 гг. (сознательно взяты два близких года) наиболее соответствовали показателям, характерным для аграрного общества и почти совпадали, что говорит об их типичности.

Показатель числа рождений в 1881 г. явно противоречит представлениям о «демографическом взрыве» в пореформенной России. Объяснение пока мы можем дать одно – в конце 1860-х гг. имело место переселение очень значительного числа семей (около 1000) из Стежнинской волости, куда входили Малые и Средние Пупки. В итоге число рождений в приходе, достигшее в 1868 г. пика – 305 человек, сократилось к 1881 г. – до 204 человек. Для полного прояснения вопроса нужно специальное изучение миграционных процессов, а также поиск выбывших семей на основе сопоставления данных последней ревизии (1859 г.) и подворной переписи 1881 г., полного учета всей информации метрических книг 1859–1881 гг.

Полный ежегодный учет родившихся детей (по меньшей мере всех крещеных) позволяет определить сезонную рождаемость, соответствие зачатий и рождений с ритмом крестьянской жизни.

Анализ рождаемости населения сел Малые и Средние Пупки по месяцам года показал ее явную зависимость от факторов традиционного общества (физиологических, хозяйственных, религиозных). Так, наибольшая рождаемость приходилась на вторую половину лета, осень и начало зимы. Но внутри этого периода с июля по январь наблюдались определенные перепады, связанные с различным действием означенных факторов.

Самое большое число родившихся детей отмечается в октябре. Это был благоприятный момент с точки зрения питания кормящей матери: собран новый урожай, обеспечен его запас на несколько месяцев, наиболее важных для вскармливания младенцев. Октябрьские рождения определялись зачатиями в январе, в период мясоеда, когда, безусловно, повышался физический потенциал супругов. К тому же, на январь приходился престольный праздник прихожан церкви с. Малые Пупки – Богоявление (Крещение), во время которого заключалось наибольшее число браков.

На втором месте по числу рождений стоит январь. Рождение ребенка в период мясоеда, конечно, было благоприятным. Немало важное значение имело и то, что зачатия «январских» детей приходились на время разговления после Великого (пасхального) поста.

Сравнительно большое количество родившихся в июле и августе, вероятнее всего, связано с зачатиями в октябре-ноябре, т.е. в период окончания сельскохозяйственных работ, улучшения питания, отсутствия длительных постов.

Вместе с тем на начало зимы (декабрь) приходился наибольший спад рождаемости. Это определялось тем, что минимум зачатий относился к «раз-

гару» Великого поста. Видимо, с началом этого поста в феврале связано и некоторое снижение числа рождений в ноябре по сравнению с октябрём. Небольшое уменьшение количества родившихся детей в сентябре (относительно июля-августа) видимо, может быть объяснено сокращением зачатий в период Рождественского поста.

Сравнительно низкие показатели рождаемости в апреле и мае, скорее всего, предопределялись снижением половой активности супругов в период разгара сельскохозяйственных работ и сопутствовавшим им Петровскому и Успенскому постам.

Однако отсутствие при сплошном анализе учета демографического поведения отдельных индивидов не дает возможности выявить такие важные показатели, как плодовитость (фертильность) отдельных женщин, число детей на семью, интервалы между рожденьями детей в конкретных семьях. Это возможно при персональном когортном анализе, хотя бы на выборочном уровне. Первые результаты такого анализа были изложены тамбовскими историками в докладе на Гронингенской конференции 1994 г. (Таблицы 14-17) [3].

Изначальная заданность лет для формирования когорт является существенным недостатком когортного анализа смертности российского крестьянства, ибо эти годы, а также годы младенчества и раннего детства членов когорт могли быть нетипичными с точки зрения соотношения нормальных и кризисных лет, связанных с войнами, неурожаем, эпидемиями и т.п. Поэтому очень важно сопоставление показателей смертности членов когорт и всего населения прихода. Прежде всего обратим внимание на изменения смертности жителей прихода с. М. Пупки в промилле: 1816 – 13,1, 1859 – 42,4, 1862 – 42, 1881 – 26,5.

Крайне низкий показатель 1816 г. (причем он был типичным для своего десятилетия) может быть объяснен только весьма неполной регистрацией умерших младенцев. Показатели 1859 и 1862 гг. оказались почти равными. Но они были не совсем типичными для второй половины 1850-х – первой половины 1860-х гг., когда имели место 4 кризисных года (смертность около или выше 200 человек в год или 50-55%). Пока мы не готовы объяснить резкое снижение смертности в 1881 г. Известно, что этот год был типичным для конца 1870-х – начала 1880-х гг., когда в приходе умирало в среднем 120 человек в год. В целом же по России даже в конце 1890-х гг. смертность исчислялась в 32 с лишним ‰ [4].

Данные о смертности в промилле, относящиеся на определенные, как выясняется, не всегда типичные годы, могут быть существенно уточнены в плане понимания демографической динамики ежегодными общеприходскими и выборочными когортными сведениями.

Таблица 2.

Младенческая и детская смертность членов когорт и их сверстников (в %)

Возраст	Когорты				Все прихожане			
	1811	1831	1851	1871	1811-1835	1831-1855	1851-1875	1871-1895
0-1	4	4	22	14	4	16	21	19
1-5	12	12	15	10	28	29	19	23

Мы сознательно выбрали современников в широком смысле, родившихся в 1811–1830, 1831–1850, 1851–1870, 1871–1890 и достигших возраста 5 лет максимум в 1835, 1855, 1875, 1895 гг., для того, чтобы попытаться преодолеть случайные показатели, возможные для единичных лет когорт.

Таблица 2 еще раз показывает неполную регистрацию священниками младенческой смертности до середины 1830-х гг., что в принципе было характерно не только для России, но и для Западной Европы этого периода [5]. При этом данные по когорте 1811 г. и всем прихожанам 1811-1835 гг. совпадают, т.е. когортная выборка в этом смысле не является случайной.

Отчасти минимизировать потерю информации позволяют сведения о членах когорт, которые можно найти в других источниках, в частности, в ревизских сказках. Сопоставление актов гражданского состояния и переписных листов достаточно распространенный метод в западноевропейской исторической демографии [6]. В России сопоставление информации метрических книг и ревизских сказок пока не предпринималось.

Мы предположили, что незарегистрированными в метрических книгах в качестве умерших в младенчестве можно считать тех членов когорт 1811 и 1831 гг., чьи родители зафиксированы ревизиями 1816 и 1834 гг. (т.е. по-прежнему жили в приходе), а сами они отсутствуют в ревизских сказках. Естественно, что эти люди не могли самостоятельно мигрировать в возрасте 3-5 лет. При подсчетах получилось, что среди членов первых двух когорт таковых оказалось по 14 человек, т.е. потеря информации вследствие неполной регистрации младенческой смертности составила около 12%.

Учет этих процентов позволяет говорить, что показатели младенческой смертности во всех когортах были достаточно близкими – 14-22%, и самое главное, почти полностью соответствовали показателям их сверстников – 16-21%. Максимальное расхождение отмечено для членов когорты 1871 г. и всех прихожан того же поколения – 5%.

Данные о смертности детей в 1-5 лет в 3-х из 4-х когорт, как видно из таблицы 2, разнятся существенно – на 13-18%. При этом еще можно говорить о недостаточной регистрации умерших от 1 до 5 лет членов когорты 1811 г. по сравнению со всеми умершими в 1811–1835 гг. их сверстниками.

Дело в том, что в 1812–1817 гг. в среднем умирало по 17 детей этого возраста в год, в 1818–1835 гг. – 33 человека.

Существенную же разницу между детской смертностью членов когорты 1831 г. и их сверстников уже нельзя объяснить недостатками регистрации. Скорее всего, первые пять лет жизни представителей этой когорты пришлось на нетипичные с точки зрения уровня смертности возрастной категории 1-5 лет годы. Так, в 1832–1836 гг. детская смертность исчислялась в среднем в 26 человек в год: на 7 человек меньше, чем в период конца 1810 – начала 1830-х гг., и на 19 человек меньше, чем в среднем за 1837–1855 гг.

Большие отличия в показателях смертности членов когорты 1871 г. и их сверстников в интервале 1-5 лет, вероятно, объясняются нетипичностью самих членов когорты, т.к. среднегодовое число умерших детей в возрасте от 1 до 5 лет в 1872–1876 гг. (когда членам когорты как раз и было 1-5 лет) и в течение всего периода 1872–1895 гг. являлось примерно одинаковым – 36 и 40 человек.

Таким образом, предопределенные годы выборки когорт могут быть нетипичными на фоне больших отрезков XIX в. и, как показал наш анализ, подобрать их специально заранее очень трудно. Нетипичность когорты может проявиться по тому или иному показателю уже в ходе когортного анализа. В некоторых случаях отобранные в когорту путем искусственной выборки люди могут оказаться нетипичными для своего поколения с точки зрения жизненной судьбы, что заранее вообще предусмотреть невозможно.

Таблица 3.

Распределение смертности прихожан с. М. Пупки по возрастам
(в % к умершим в родном селе)

Возраст	Когорты				Все прихожане 1811-1916
	1811	1831	1851	1871	
0-1	9	10	38	32	25
1-5	29	37	26	15	30
6-10	4	6	2	0	5
11-20	9	6	2	0	4
21-30	4	8	3	4	5
31-40	2	19	0	0	5
41-50	11	2	6	6	5
51-60	11	0	10	ок. 15	6
Свыше 60	21	12	13	ок. 30	15

Примечание. * Точный % умерших до 60 лет в когорте 1871 г. не указан, т.к. мы проследили жизнь ее членов до 1917 г., т.е. до возраста 46 лет. Учитывая, что в

предыдущих когортах в возрастном интервале 51-60 лет умерло 10-11% их численности, можно утверждать, что максимум умерших членов когорты в период 51-60 лет не превышал 15%. Соответственно показатель удельного веса членов когорты 1871 г., умерших после 60 лет, составлял около 30%.

Оба метода в целом подтвердили характерные для России вообще сравнительно высокие показатели младенческой и детской смертности, заметный спад ее у детей старше 6 лет и взрослых до 40 лет и новый скачок у старших возрастов.

Данная таблица еще раз подтверждает неполную регистрацию умерших младенцев в 1810-е – начале 1830-х гг. Если сравнить показатели младенческой смертности членов когорты 1811 и 1831 гг. и по приходу в целом за период 1835–1860 гг., когда регистрация стала полной, то можно отметить примерно 15-процентную недорегистрацию детей умерших до 1 года в первой трети XIX в. Сопоставление разных методов неполной регистрации смерти младенцев, показывает, что ее значение находилось в пределах 12-15%.

Сравнительный анализ младенческой смертности членов когорты 1811 и 1831 гг. и всех прихожан умерших до 1 года в 1811-1835 гг. приводит к выводу о незначительных отклонениях этого показателя при когортном анализе (9-10%) от общеприходского показателя – 7%.

Сравнительно высокая смертность младенцев – членов когорты 1851 г. по сравнению с общим для прихода показателем в период 1830-х – 1850-х (25%) объясняется эпидемией скарлатины, имевшей место в селах изучаемого прихода в 1851 г. В этом году в приходе зарегистрирована смерть 47 маленьких детей (26 из них – члены когорты 1851 г.) За весь период 1835–1860 гг. большая смертность младенцев отмечена только трижды (1847 г. – 61 человек, 1853 г. – 93 человека, 1857 г. – 51 человек). Так что с точки зрения показателя смертности детей до 1 года когорты 1851 г. была нетипичной.

Показатель младенческой смертности членов когорты 1871 г. оказался равным соответствующему показателю для всех умерших прихожан пореформенного периода – 32%.

Рассматривая детскую смертность (1-5 лет), заметим, что для членов когорты 1811 и 1831 гг. она была существенно ниже чем для всех прихожан, умерших в 1810-е – начале 1830-х гг. (44%).

Для членов когорты 1851 г. этот показатель был немного ниже (на 6%) общеприходского за 1830–1850-е гг. А вот членов когорты 1871 г., которые умерли в возрасте 1-5 лет, было на 10% меньше, чем среди всех умерших членов прихода пореформенного периода.

В целом изучение смертности показало необходимость выбора для когортного анализа наиболее типичных для данного прихода лет из конкретно-

го пяти- или десятилетия. Возможно, это позволит избежать случайных выборок, связанных с перепадами смертности в России в разные годы.

Изучение распределения смертей прихожан церкви с. М. Пупки по месяцам позволило вывести во многом равномерную кривую с перепадами от 7% общей численности в ноябре до 11% – в августе.

Изучение младенческой смертности показывает более заметные перепады: от 6% в ноябре до 14% в июле. Смертность самых маленьких детей резко возрастала в летние месяцы (10,6–13,6%). Амплитуда смертности у них более извилистая с постепенным повышением от января к апрелю, затуханием в мае и резким скачком в летнее время.

Общая тенденция и у младенцев, и у всех возрастных групп – снижение количества смертей в осенний период и декабре, когда был собран урожай и имелся значительный запас продуктов.

Анализ причин смертности у группы с возрастом до года показал, что их абсолютное большинство приходится на кишечно-желудочные заболевания (64%). 7% младенцев умирали «от слабости», т.е., скорее всего, рождались недошенными. В какой-то мере сравнительно высокие показатели смертности недошенных дает возможное при когортном анализе изучение интервалов между браком членов когорт и рождением их первых детей через 7-9 месяцев: для когорты 1811 – 3%, 1831 – 19%, 1851 – 13%, 1871 – 4%.

Для детей в возрасте 1-5 лет наиболее распространенными причинами смерти были опять-таки желудочные заболевания – 30%, а также инфекционные болезни (корь, скарлатина, дифтерия) – 24%. Значительная доля смертности точно не определялась священниками и она записывалась как натуральная, от лихорадки, неизвестная (20%).

В возрастной группе от 6 до 15 лет в качестве причин смерти преобладали инфекционные заболевания – 22%, в меньшей мере – желудочные (9%). Высок в этой группе показатель неустановленных причин смерти – 17%.

В четвертой группе (от 16 лет до глубокой старости) структура причин смертей была более разнообразная: 22% – от старости или «натуральная», 17% – от чахотки (туберкулеза), 9% – от горячки, 5% – от водянки, 5% – от «удушья» (вероятно, астма), 4% – лихорадка (вероятно, малярия), 3% – эпидемиологические болезни (холера, тиф), 3% – желудочные.

Таким образом, в приходе с. М. Пупки наблюдалась традиционная структура смертности. У младенцев и младших детей это инфекционные заболевания, связанные с отсутствием должной санитарной гигиены, невниманием к младшим детям в летний период напряженных сельхозработ, когда малышей отрывали от естественного кормления и переходили на искусственное. У старших детей «бичем» оставались широко распространенные заболевания, передаваемые инфекционным путем и трудно поддающиеся

лечению при низком уровне медицинского обслуживания. Для взрослых заметна относительно немалая доля смертей от туберкулеза и астмы.

Особо отметим, что смертность от эпидемий в целом за период XIX – начала XX в. была невелика и приходилась только на определенные годы. В Малых и Средних Пупках выделились два кризисных года: 1843 и 1857. Первый из них связан с эпидемиями малярии для взрослых и scarlatini для детей. Кризисная ситуация 1857 г. была порождена высокой детской смертностью от кори и вспышкой дизентерии у детей и взрослых. Остальные годы, в том числе и когортные, дают достаточно стабильные показатели.

Сплошной и когортный анализы ценно взаимно дополняются при изучении брачности крестьян. Первый дает полную картину всех браков, заключенных в приходе (пока проанализированы данные по 1873 г.). Однако такой важный показатель, как брачный возраст супругов стал фиксироваться в русских метрических книгах только с 1840-х гг. (в М. Пупках – с 1839 г.). При этом возраст вступающих в брак записывался не по данным метрик о рождении, а со слов жениха и невесты и мог быть не совсем точным. Когортная база данных, содержащая сведения о датах рождений и венчаний членов когорт, позволяет точно вычислить возраст брака. Причем, это возможно для всего периода существования метрических книг, т.е. задолго до 1840-х гг. По ревизским сказкам 1816 и 1834 гг. можно выяснить и примерный возраст брака супругов членов когорт из данного села. Кроме того, имея персонифицированную информацию о членах когорт – девушках, мы можем находить сведения об их браках в других приходах, как правило, соседних с родным селом.

Таблица 4.

Средний возраст первого брака (median) прихожан с. М. Пупки

Пол	Когорты				Все прихожане
	1811	1831	1851	1871	
м	18	18	18	18	19
ж	20	19	18	20	20

Как когортный, так и сплошной анализ среднего возраста первого брака показали преобладание в крестьянской среде ранних браков, а также характерное для данного прихода превышение среднего брачного возраста девушек над соответствующим показателем юношей [7]. Отличие среднего возраста женихов-членов когорт от общеприходского на 1 год (существенный для демографии брачности разрыв) требует дополнительного изучения.

Таблица 5.

Группировка прихожан с. М. Пупки по возрасту вступления в брак (в %)

Возрастные группы	Когорты								Все прихожане	
	1811		1831		1851		1871			
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
До 20 лет	57	30	83	56	96	74	74	71	66	61
21-25 лет	43	70	17	44	4	26	16	29	19	31
26-30 лет	0	0	0	0	0	0	7	0	4	3

Примечание. Данные о браке после 30 лет не взяты нами в расчет, т.к. при сплошном анализе не разделялись первый и последующий браки. Естественно, процент повторных браков после 30 лет был многократно больше, чем первых браков в этом возрасте.

Из таблицы видно, что даже при весьма заметном разбросе показателей когортного анализа, во всех когортах у мужчин явно преобладает группа до 20 лет. У женщин эта группа во 2-4 когортах также была преобладающей, но во всех случаях она являлась меньшей по удельному весу, чем у мужчин. В принципе это совпадает с показателями сплошного анализа брачности прихожан. Заметим, что в 1880-х – 1890-х гг. (время вступления в брак членов когорты 1871 г.) начался выход части крестьянской молодежи за традиционные пределы брачного возраста – 25 лет.

Таблица 6.

Распределение невест по месту жительства до брака (в %)

Место	Когорты				Все прихожане
	1811	1831	1851	1871	
М. и С. Пупки	58	62	70	94	65
Другие села	42	36	30	6	34
Города	0	2	0	0	1

Из таблицы видно, что на протяжении всего XIX в. юноши предпочитали выбирать невест из своих односельчанок или жительниц ближайших деревень и сел. Это соответствовало традициям брачного поведения российского крестьянства. Для членов всех четырех когорт известен только один случай взятия мужчиной из М. Пупок жены из города (Козлов). Среди 1443 свидетельств о браках всех прихожан зафиксированы лишь восемь невест, происходивших из городов Тамбовской губернии (шесть из Козлова, по одной из Тамбова и Липска).

В соответствии с традициями крестьянского сообщества, невесты должны были венчаться в приходе своих женихов. Вместе с тем сплошной анализ зафиксировал 16 случаев (чуть более 1%), когда женихи не являлись жителями М. или С. Пупок. Известны даже 9 горожан, которые венчались со своими невестами в сельском приходе. Но требует дополнительного изучения вопрос о том, оставались ли эти мужчины жить в приходе или только совершали здесь обряд венчания. Такое изучение возможно только при создании полной персонафицированной базы данных о рассматриваемом приходе.

Интересен и вопрос о так называемом социальном пространстве браков. Как когортный, так и сплошной анализ показали полное соответствие социального статуса брачных партнеров нормам традиционного общества. Во всех когортах и по приходу в целом почти 100% составляли браки между государственными крестьянами или государственными крестьянами и солдатами (солдатками), которые происходили из государственных крестьян.

Среди членов когорт известен только один случай женитьбы государственного крестьянина с.М. Пупки на козловской мещанке. В общеприходских материалах отмечены девять невест не являвшихся крестьянками (или солдатками): шесть мещанок, одна купеческая дочь, одна дочь священника и даже одна дворянка. Приведенные цифры говорят о том, что выход крестьян изучаемого прихода за пределы обычного для них брачного пространства был весьма редким явлением. «Безликий» общеприходской анализ не позволяет точно определить социальный статус женихов этих девушек. Для этого требуется сплошное персональное изучение населения всего прихода.

Также существенно и то, что среди женихов – членов когорт не отмечено ни одного случая женитьбы на девушках из помещичьих крестьян. Среди 2665 венчаний мужчин в приходе в целом можно выявить не более 10 случаев венчания государственного крестьянина (или солдата) на помещичьей крестьянке. Это отражало традиционно более «привилегированное» положение государственных крестьян в сравнении с частновладельческими и в немалой мере высокомерным отношением первых ко вторым. Правда, нужно учитывать то обстоятельство, что в округе М. и С. Пупок в основном находились государственные села и выбор невест предопределялся этим обстоятельством также.

Заключая, можно сказать, что и сплошной, и когортный анализ демографического поведения крестьян отдельно взятого прихода в принципе могут применяться самостоятельно. Первый из них дает полную, но недостаточно детальную и живую картину демографии русского села. Второй вид анализа в целом подходит, так сказать, в первом приближении для демографических исследований неспециального характера, когда демографические сюжеты являются частью более широких интегральных исследований. В

качестве дополнения к общеприходскому анализу он позволяет удачно сочетать особенные и единичные явления в демографии, выявлять некоторые недоступные для сплошного «безымянного» исследования тонкости.

После некоторых лет работы мы пришли к убеждению, что преодоление слабостей рассматриваемых методов историко-демографического анализа возможно путем абсолютно полного использования метрических книг и ревизских сказок. Говоря языком исторической информатики, нужен переход от структурно-ориентированных к источнику-ориентированным базам данных, из которых можно по мере необходимости извлекать сведения как общего, так и личного демографического характера, а главное – устанавливать самые разнообразные взаимосвязи между процессами общеприходского и индивидуального характера, а также в наиболее полном виде переходить от изучения демографического поведения отдельных личностей к изучению структуры и истории семей.

Примечания

1. См.: Pim Kooij. Introduction. The Integral History project // Where the twain Meet. Dutch and Russian Regional Demographic development in a comparative perspective. 1800–1917. Groningen-Wageningen, 1998. P. 1-6.
2. Для анализа использовались метрические книги Богоявленского прихода, центром которого было с. Малые Пупки. ГАТО. Ф. 1049. Оп. 3. Козловский уезд за период с 1811 по 1916 гг.
3. См.: Vladimir Dyatchkov, Valery Kanitshev, Yuri Mizis, Vera Orlova, Lev Protasov and Stanislav Protasov Cohort analysis of Malye Pupki population: Some preliminary results // Where the twain Meet. P. 141-153.
4. См.: Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 118.
5. Poul Thestrup. Methodological Problems of a Family Reconstitution study a Danish rural Parish before 1800// The Scandinavian economic History review. Volume XX. № 1.1972. P. 1-25; E.A. Wrigley and R.S.Schofield. English population History from Family Reconstitution: Summary Results. 1600-1799 // Population studies, 37. 1983. P. 157-184.
6. См.: Анри Л., Блюм Л. Методы анализа в исторической демографии. М., 1997. С. 186-193.
7. Подобные тенденции проследил С. Хок на примере села Петровское Тамбовской губернии. См.: С. Хок. Крепостное право и социальный контроль в России. Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993. С. 75.

**ТРУД, ХЛЕБ, ЛЮБОВЬ И КОСМОС, ИЛИ О ФАКТОРАХ
ФОРМИРОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.¹**

Ревизские сказки, метрические книги, данные общих и сельскохозяйственных переписей и обследований стали главными источниками в начале изучения крестьянской семьи и иных сторон демографического поведения наших земляков методами сплошного и когортного анализа. В числе разных важных фактов названные источники предложили информацию об уровнях рождаемости и младенческой смертности, об интервалах между заключением брака и рождением первого ребенка, между рожденьями последующих детей, о количестве детей в семьях, сезонности рождений и смертей, женской фертильности и т.п. Оказывалось, что в XIX – начале XX в. тамбовские крестьяне отличались удивительно долгими (да еще в сравнении с Нидерландами) интервалами между рожденьями детей, весьма скромным, несмотря на ранние браки, «среднесемейным» числом рождений и детей.

Разумное объяснение этому казалось необходимым и долгий интервал между свадьбой и рождением первенца оправдывался недостаточной половой зрелостью молодоженов, а чуть ли не трехлетние средние интервалы между рожденьями последующих детей, прекращение деторождений в середине фертильного периода выглядели как сознательное планирование крестьянской семьи. Недочет родившихся не исключался, но представлялся незначительным, тем более, что метрики и официальная статистика и без того являли впечатляющую картину огромной младенческой смертности. Резкие падения и взлеты помесечной рождаемости, демонстрируемые названными источниками, объяснялись вспышками и замираниями половой активности крестьян, продиктованными хозяйственным циклом и строгим выполнением христианских обрядов. Но столь модернизированная, социально и культурно «продвинутая», осознанно строгая жизненная стратегия и тактика плохо «вязалась» с обликом и поведением тамбовского крестьянина, выступавшим из описательных источников, публицистики и художественной литературы XIX – начала XX в. Сомнения потребовали привлечения новых источников [1]. Таковыми в первую очередь оказались медицинские отчеты, ставшие регулярными с середины 1890-х гг. Эти источники вполне надежны, т.к. создавались врачами-профессионалами, охватили за 20 лет десятки тысяч людей (в огромном большинстве – 80-95 процентов – крестьян) и, благо-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 98-06-80035.

даря тогдашнему устройству медицинской помощи населению и психологии крестьян, представляют не исключительно сложные, тяжелые роды, беременности, гинекологические и венерические заболевания и т.п., а настоящую случайную выборку.

Итак, отчетность по родильному и гинекологическому отделениям Тамбовской губернской земской больницы (ТГЗБ), статистика родовспоможений в акушерских поликлиниках и фельдшерских пунктах Тамбова, Борисоглебского, Козловского, Моршанского уездов позволяет представить реальное количество и сезонность беременностей, деторождений и скорректировать динамику младенческой смертности, предлагаемую метрическими книгами.

Понятно, что священники регистрировали лишь тех новорожденных, которые дожили по крайней мере до дня записи в метрики. Мертворожденные, младенцы, умершие до крещения и регистрации, так называемые мнимоумершие, которых и не стремились оживлять в тогдашней деревне, и выкидыши в метрических книгах, конечно, не регистрировались, зато отмечались в родильных отделениях или при приеме родов медиком на дому. А доля названных категорий «плодов» в общем числе деторождений и в отношении к числу живых и зарегистрированных в метриках детей была настолько значительной, что метрики оказываются в этом отношении весьма ненадежным источником. Так, по улучшавшимся год от года отчетам родильного отделения ТГЗБ мертворожденные и выкидыши в поздние сроки беременности составляли в 1895–1913 гг. 20–35% к числу детей, родившихся живыми (1895 – только выкидыши – 5%, 1896 – 11%, 1897 – 12%, 1899 – 31,6%, 1900 – 18,3%, 1901 – 23%, 1902 – 22,5%, 1903 – 26%, 1904 – 25,1%; Козловский уезд, 1904 – 22,6%, 1907 – 21,1%, 1908 – только выкидыши – 14%, 1909 только мертворожденные – 9,4%, 1910 – 30,5%, 1911 – 33,5%, 1912 – 33,6%, 1913 – 35,2%). В Тамбовском уезде в 1897 - 1899 гг. на 2164 родовспоможений, произведенных и учтенных медиками, пришлось 267 мертворожденных, 142 мнимоумерших и 187 выкидышей, что в сумме составило 35% от числа детей, родившихся живыми и проживших после рождения хотя бы несколько дней. В том же Тамбовском уезде доля только выкидышей и неправильных родов, оканчивавшихся смертью плода, без учета доношенных мертворожденных, мнимоумерших и умерших в первые дни жизни составила в 1907 г. – 19,8%, 1908 – 24,9%, 1911 – 25,4%, 1912 – 26,1%, 1913 – 25,5%, 1914 – 20,4%, 1915 – 17,4%, 1916 – 34,7% числа правильных родов. Указанием на значительную долю незарегистрированных метриками разрешений от бремени служит и то, что ни за одной из наших «когортинок» не числится более 12 родов, в то время как отчеты родильных отделений неизменно фиксируют женщины, рожавших по их собственным подсчетам 13–18 раз.

Эти и некоторые косвенные данные, отдельные свидетельства (анамнезы рожениц, доклады врачей на врачебных съездах, воспоминания) позволяют считать, что в среднем на каждые 100 крестьянских крещеных новорожденных приходилось 35-40 незарегистрированных «плодов», находившихся в материнском чреве не менее семи месяцев.

В определении количества и динамики зачатий, беременностей важным является и учет выкидышей в ранние сроки (2-5 месяцев) беременности. В отчетах гинекологического отделения ТГЗБ доля женщин с такими проблемами колеблется по годам от 10% до 30% от общего числа гинекологических больных. Учтем, правда, что в отличие от родильного в гинекологическое отделение поступали женщины с весьма серьезными и запущенными болезнями, заставлявшими крестьянку обратиться к врачу. Но вместе с тем значительное число ранних выкидышей не распознавались или игнорировались крестьянками, и, учитывая тогдашние анамнезы пациенток земских больниц и 15-20% долю таких выкидышей в числе беременностей нынешних тамбовчанок, можно считать, что примерно каждая третья-четвертая беременность тамбовских крестьянок конца XIX – начала XX в. прерывалась в первые недели самопроизвольным выкидышем.

Метрики и медицинская статистика дают и существенно различное помесячное распределение деревенской рождаемости. В тамбовских и не только тамбовских метрических книгах декабрь являет абсолютный минимум рождений, который, например, в 1898–1900 гг. составил в Байловке – 42%, в Калугино – 50%, в Стежинской волости – 57%, в Рассказово – 69,5%, в Тамбове – 86,9% среднемесячного числа зарегистрированных рождений. Объяснение всегда казалось простым – родившиеся в декабре должны были быть зачаты в конце февраля – марте во время Великого поста, а это, вроде бы, грех для верующего и исполняющего православные обряды крестьянина. Январь, по тем же метрикам, демонстрирует максимум рождений, соперничающий с июльско-августовским пиком. Тоже, кажется, ясно – перед нами плоды пасхальных разговлений и всплеска половой активности. Но обратимся к статистике родильных отделений. Уровень декабрьских рождений по отношению к среднемесячному ординару выглядит так: ТГЗБ, 1900 г. – 103,3%, 1901 – 108,7%, 1902 – 110,7%, 1903 – 92,5%, 1904 – 94%, 1907 – 101,4%, 1909 – 101,1%, 1910 – 116,4%, 1911 – 95%, 1912 – 100%, 1913 – 104% (суммарный средний – 102,8%), Борисоглебский уезд, 1912 – 106,8%. Таким образом, декабрь оказывается месяцем с числом рождений несколько выше среднего. Примерно таким же с немного большим превышением среднемесячного уровня выглядит, по данным родильных отделений, и январь. Эта существенная поправка метрик может означать одно: «стесняясь» признаваться своевременной регистрацией (крещением) в зачатии «во грехе»,

крестьяне со священниками половину числа детей, родившихся в декабре, регистрировали в январе, что в свою очередь должно было вызывать недоучет младенческой смертности за счет младенцев, умерших некрещеными. Меньшую роль в декабрьском недоучете играли рождественский пост и закрытие метрических книг за несколько дней до нового года с переносом родившихся в последнюю неделю декабря в январские записи. Впрочем, предполагаемый «сговор» крестьян и священников о переносе записей о крещении требует дополнительного изучения по другим источникам.

Вторым после декабря «метрический» минимум рождений приходится на май. Это объяснялось отказом многих крестьян от половой жизни в августовскую страду. Но в статистике родильного отделения ТГЗБ уровень майских рождений составил от среднемесячного в 1900 г. – 76,7%, 1901 – 102,2%, 1902 – 122,8%, 1903 – 142,5%, 1904 – 100%, 1907 – 93,2%, 1909 – 103,3%, 1910 – 96,4%, 1911 – 106,7%, 1912 – 109,6%, 1913 – 94,7%, Борнсоглебский уезд, 1912 – 77,2% (суммарный средний 101,7%). Зная о незначительном влиянии горожанок на статистику ТГЗБ, данное расхождение с показателями метрик можно объяснить тем, что вторая половина беременности и роды майских роженец приходились на самые скудные, голодные для крестьян месяцы. Неполюные, к сожалению, данные – только за 1903 и 1904 гг. – динамика веса новорожденных свидетельствуют, что на май приходился пик рождений детей весом менее 2,8 кг и весом от 2,8 кг до 3,2 кг. Наверное, столь хилые младенцы имели меньше шансов не умереть до крещения и регистрации. Большую ослабленность родившихся в мае отразил и целый набор поговорок на тему: «Родился в мае - всю жизнь маяться». Кстати, на декабрь приходится второй максимум рождений подобных слабых младенцев, что дополнительно поясняет картину упоминавшихся расхождений в статистике декабря.

Метрики и статистика родильных отделений имеют общий апрельский минимум рождений, на формирование которого повлияло не падение половой активности крестьян и соответствующее уменьшение числа зачатий в конце июня и в июле, а тяжелый физический труд женщин в пору уборки урожая, оставшийся главной причиной выкидышей в ранние сроки беременности. Второй причиной, претендовавшей с каждым новым годом на роль первой, был сифилис, по числу больных которым Тамбовщина находилась на абсолютно первом месте среди российских губерний, намного опережая других «призеров» в соревновании по распространению венерических заболеваний.

Изучение связи фертильности, характера труда, питания и состояния здоровья наших крестьянок позволяет скорректировать некоторые важные общепринятые демографические показатели. Уже наблюдения В. Никольско-

го для Тамбовского уезда в 1870-е – начале 1880-х гг. позволили опустить средний возраст начала климактерии до 41 года и 3 месяцев. 30 рожавших «малопупковских когортниц» 1811, 1831, 1851, 1871 гг. при самом разном числе учтенных родов, детей и соотношении мальчиков и девочек закончили рожать в следующем возрасте: в 20 лет – 1, в 21 – 2, в 26 2, в 27 – 1, в 28 – 1, в 31 – 2, в 33 – 1, в 35 – 1, в 36 – 2, в 37 – 4, в 38 – 2, в 39 – 2, в 40 – 6, в 41 – 1, в 42 – 1, в 46 – 1. Иначе говоря, в первую треть тридцатилетнего плодovитого периода закончили рожать около 17% когортниц, во вторую – около 27%, в третью – около 56%. Лишь одна десятая, да и то не всех, а только женщины, чьи новорожденные были зарегистрированы в метриках, использовали полностью отпущенный природой срок плодovитости. К тому же из-за вступления в брак в 18-20 лет и появления жизнеспособного первенца только через 2-2,5 года после свадьбы когортницы теряли еще 4-5 лет принятого фертильного периода, который таким образом «съедался» с двух концов до 20-22 лет.

Обратим внимание и на то, что повозрастное прекращение деторождений членами когорт в общем рисунке соответствует статистике гинекологических отделений земских больниц. В нашем распоряжении данные анамнезов 418 беременных и рожавших пациенток ТГЗБ в 1895–1898, 1900–1904 гг., чья репродуктивная деятельность прекратилась по болезни. 119 (28,5%) родили своего последнего ребенка до 27 лет, 146 (34,9%) – в 27-36 лет, 153 (36,6%) после 36 лет. Большая доля первой и второй возрастных групп и соответственно меньшая третьей по сравнению с данными членов когорт объясняется как слишком коротким рядом когортниц, отсутствием в нем женщин, имевших только выкидыши и детей, умерших до крещения, так и тем, что молодые заболевшие женщины решались на поездку в больницу чаще, чем успешные нарожать детей крестьянки и обращавшиеся к врачу лишь в крайнем случае с тяжело запущенной болезнью.

Что следует из предложенных цифровых сравнений и выкладок?

Во-первых, метрические книги, используемые в когортном анализе в качестве основного источника, не могут быть надежными при определении уровней рождаемости, младенческой смертности, числа рождений и зачатий, интервалов между рождениями детей и, соответственно, семейной крестьянской стратегии и тактики. По крайней мере, метриками нельзя пользоваться без приложения к ним поправочных коэффициентов. Так, число зарегистрированных рождений требует увеличения как минимум на треть, а полученное число, увеличенное еще на треть, даст представление о реальном количестве зачатий и беременностей, которое превысит, таким образом, число зарегистрированных рождений примерно в 1,8 раза. Интервалы между рождениями детей должны быть сокращены примерно в 1,4 раза. Младенческую же

(до 1 года) смертность следует считать примерно на 10% большей зарегистрированной в метриках.

Во-вторых, и это главное – у российских, тамбовских крестьян в конце XIX – начале XX в. и тем более раньше не было и не могло быть сознательного планирования семьи, т.е. контроля за временем вступления в брак, количеством детей в семье, соотношением мальчиков и девочек. Природа (климат, почвы, плотность населения) обеспечила характер (напряженность, производительность) и сезонный ритм труда, уровень санитарии и сохранности здоровья. Ряд исторических событий дополнительно закрепил крестьянскую жизнь в рамках естественного отбора, биологической борьбы за выживание, а не регулируемого человеком процесса. Крестьянин и в начале нашего столетия оставался по преимуществу биологическим, а не социальным существом, он жил прежде всего как часть биоценоза, а не ноосферы. Пресловутые «бескультурье», «темнота» крестьянина (в вопросах контрацепции, в частности) оказывается относительно вторичным и, вообще, оценкой, взглядом из другой – недеревенской, городской системы жизни.

Крестьянин не мог позволить себе губительного риска и роскоши не вступать или поздно вступать в брак, ограничивать число детей, продлевать интервалы между рожденьями детей и т.п. Поэтому крестьяне женились как только женский (и в меньшей степени мужской) организм позволял иметь детей (средние сроки начала месячных у тамбовских крестьянок в 1870–1880 гг. – 16 лет и 4 месяца). Никакие посты и страдальные поры не могли становиться перерывами в примерно равноинтенсивной половой активности и графике зачатий.

Начиная семейную жизнь в относительно сытые месяцы (более 90% браков в любом селе заключалось в октябре, ноябре и январе), крестьянки беременели сразу как только это позволял организм женщины. Возможное бесплодие мужа оказывалось, судя по медицинской статистике, не самым большим препятствием: в больничных отчетах нет больных крестьян (мужчин) с жалобами на бесплодие, а пациентов с заболеваниями мужских половых органов в десятки раз меньше числа пациенток гинекологических отделений.

Активность половой жизни крестьян без применения каких-либо известных деревне способов контрацепции была примерно равной во все времена года с понятным, но небольшим ростом в пору свадеб, в «мясоед», и с еще менее заметным ослаблением в страду. Очередное зачатие происходило как только это позволяло освободившееся от доношенного или недоношенного плода материнское чрево. Учитывая долю выкидышей в ранние сроки беременности, а также мертворожденных и умерших до крещения, можно рассчитать, что в «среднем» крестьянки «из метрической книги» беременели

не через два с лишним года, а до истечения первого года после родов. Если же здоровье женщины оставалось в порядке в течение отведенного природой детородного периода, то она рожала доношенных детей с интервалом в 12-15 месяцев, рожая за 20-25 лет до 20 детей, что и фиксировал учет родильных отделений и не могли отразить метрики. Точно так же самую большую долю в отчетности родильных отделений занимают «июльско-октябрьские» первородящие, вышедшие замуж за 9-12 месяцев до рождения первенца, в то время как в метриках недоучет растягивал данный интервал в два с лишним раза.

Рисунок реальных погодных кривых деревенской рождаемости близок к идеальной, теоретической модели, которую можно построить, исходя из возможностей плодovitости здоровой женщины, соединенной с факторами природо-хозяйственного цикла (выраженная сезонность браков и ранние выкидыши в летнюю струю, прежде всего).

Длительное грудное вскармливание оказывалось весьма сомнительной и ненужной мерой предотвращения очередной беременности, но зато оно обеспечивало интенсивную выработку в женском организме пролактина, который приближал наступление климакса и на 4-5 лет укорачивал фертильный период. Поэтому крестьянской семье тем более нельзя было прибегать к контрацепции и ограничивать количество беременностей и рождений, исходя из какого-то предположительно оптимального для хозяйства числа и сочетания пола детей. Беременели и рожали как можно чаще, а те, кто выживали, определяли размеры и хозяйственные возможности крестьянской семьи – вот, что могло быть и было единственной, инстинктивной и осознанной демографической стратегией дореволюционной российской деревни. Вот почему в XX в. Россия, СССР оказались на первых местах в мире по абсолютному и относительному числу искусственных прерываний беременности. Аборты для деревенского природо-хозяйственного цикла с его ограничениями для здоровья и жизни матери и младенца оказывались не знаками безграмотности и бескультуры, а инстинктивно правильной в тех условиях семейной и личной тактикой «для особых случаев», риском для здоровья рожавшей женщины, но меньшим, чем риск остаться «яловой», «пустой» тогда, когда беременность была возможна.

В другой системе – в ритме и условиях жизни модернизовавшегося города, при прогрессе здравоохранения, контрацепция, сознательное ограничение рождений и планирование семьи станут возможными и необходимыми, но резко выросшее число абортов как главного средства избавления от нежелательной беременности окажется памятью, инерцией инстинкта самосохранения деревни, приспособления крестьян к окружавшей среде.

Еще одним свидетельством примата биологического в демографическом поведении русского крестьянства оказывается связь колебаний урожайности главных озимых и яровых зерновых и деревенских рождений, прироста населения, динамики числа браков. Сопоставление соответствующих графиков показывает, что при всех привходящих вторичных влияниях колебания рождаемости и прироста совпадают, за редкими и тоже регулярными перебивками ритма, с колебаниями урожая в те же самые годы (точнее, в годовые природо-хозяйственные циклы - с апреля по март). Иначе, уровень зачатий, сохранность беременностей, выживаемость младенцев были связаны не столько с состоявшимся, сколько с предстоящим урожаем. В жизни крестьянина доминировал неосознанный им космический, природный низкочастотный биоритм. Механизм саморегулировался: недостаточная рождаемость при хорошем урожае компенсировалась пониженной смертностью, слишком высокая рождаемость под запрограммированный природой невысокий урожай «снималась» повышенной смертностью. Губительные болезни, эпидемии выступали в данном случае не как горький результат антисанитарии, нищеты и голода, а как необходимый, предусмотренный природой регулятор численности населения. Не случайно место побеждаемых болезней обязательно занимали (и занимают) новые напасти.

Замечательным примером космической «диктовки» крестьянского демографического поведения служит попытка приурочения деревни к ситуации самого тяжелого двухлетнего неурожая и голодовки 1891–92 гг. Точно с падением дуги урожаев с высшей точки 1887 г. тамбовская деревня сокращает прирост, число рождений и браков: 1887 г. – 54,7 тыс. человек прироста, 1888 г. – 50,8 тыс., 1889 г. – 39,1 тыс. при средних 134 тыс. ежегодных зарегистрированных рождений, 1890 г. – 28,6 тыс. человек прироста, 1891 г. – 24,4 тыс. Но этого при, хотя и снижавшемся, и все-таки большом абсолютном числе рождений было слишком много для катастрофического неурожая. Голод «подправляет» положение – 0,9 тыс. прироста при минимуме в 120 тыс. рождений в 1892 г. Также на четверть с 1887 г. по 1891 г. сокращается число браков.

Казалось бы, какие могут быть январские, февральские и октябрьско-ноябрьские свадьбы в не менее голодном 1892 г.? Но природа готовила в 1893 г. самый высокий за все предшествовавшие годы урожай. И голодная, разбегавшаяся, порой вымиравшая тамбовская деревня в 1892 г. справилась абсолютно рекордное для XIX и начала XX в. число свадеб – почти в два раза (!) больше чем в 1891 г. и, таким образом, зачала, сохранила до родов и регистрации 135 тыс. детей и, перекрывая бегство в город, обеспечила сельский прирост 1893 г. в 32,2 тыс. человек.

Данное космическое «руководство» очевидно и обязательно для земной биосферы. Но человек – особое животное, в котором естественный отбор развил неведомые флоре и фауне качества выживания, приспособления и способности к изменению окружающей среды, – и потому население российской деревни, жившей в рамках экстенсивного рутинного земледелия, росло по впечатляющей и угрожающей экспоненте. Свести эти ножицы роста населения, стагнировавшей продуктивности земледелия при исчерпании удобных земель можно было (при всех деталях) только одним из двух способов.

Первый – переход к высокопродуктивному интенсивному хозяйству с одновременным сознательным контролем за рождаемостью и планированием семьи. Продолжать же существование по привычкам и правилам экстенсивного низкопродуктивного хозяйства деревня могла лишь (и то очень недолго со времени обозначения признаков кризиса) сокращая потребление и число размножившихся ртов. Убирать лишнюю деревню могла по-разному (в частности, полным пренебрежением к здоровью и жизни ребенка и взрослого, абортми и даже умерщвлением младенцев), но самым исторически привлекательным оказывалось передвижение крестьян в город.

В силу разных известных причин пойти по первому пути разрешения проблемы российская деревня во второй половине XIX в. не умела и не успевала. Поэтому относительно независимо от параллельной индустриализации и модернизации страны деревня по нарастающей и ритмично (примерно каждые 14 лет) вбрасывает своих лишних в город. Исключительным по массовости и социально-политическим последствиям стал вброс второй половины 1890-х гг.

Город в России задолго (если не изначально) до начала XX в. имел иной, противоположный деревне тип демографического поведения, но не потому, что в нем, в отличие от врожденных программ и инстинктов деревни, преобладал сознательный выбор. В городе не действовал сельский природо-хозяйственный цикл, круг городской жизни включал почти одинаковые, несмотря на время года, околосесячные, околонедельные, суточные циклы с несколько больше долей отдыха летом и в весенние праздники. Исходя из примерно равной деревенской брачной активности и потребности в половой жизни горожан, можно предположить в городе гораздо более равномерное, несмотря на церковные ограничения, помесечное распределение заключающихся браков и регистрировавшихся рождений. Так оно и было.

Если в Байловке из 57 браков, заключенных в 1898–1900 гг., 47 пришлось на октябрь, 5 – на январь и столько же на все остальные месяцы, в Калугино из 162 браков 104 пришлось на ноябрь, 27 на январь и 16 на февраль, а 15 на другие 9 месяцев, то в промышленном селе Рассказово из 370 браков 99 заключили в ноябре, 74 – в сентябре, 73 – в ноябре, 38 – в февра-

ле, 21 – в июле, 20 – в апреле, 19 – в январе и 18 – в мае. В Тамбове уже 7 месяцев (январь, февраль, октябрь, ноябрь, апрель, сентябрь, июль) превысили среднемесячный (90 браков) уровень, а в августе, мае и июне сочетались соответственно 75, 68 и 39 пар, и 6 браков пришлось на немислимые для православной деревни декабрь и март.

Выравниваются в городе и кривые рождений и смертей. В 1898–1900 гг. в 4 приходах Стежинской волости Козловского уезда колебания *min-max* кривой рождений от среднемесячного уровня (100%) составили 71-129%, в Калугино – 70-128%, в Байловке – 55-143,5%, но в Рассказово уже – 79-117,4%, а в Тамбове – 87-112%, т.е. амплитуда данных колебаний в городе была меньше деревенской в два с половиной раза.

С переходом в город кривая рождений не только сглаживается. Принципиально меняется ее общий рисунок. На смену резко ломаной линии с крутыми пиками июля, сентября, октября, января и провалами апреля, мая, декабря приходит довольно пологая синусоида с летним понижением между зимне-весенним и осенне-зимним подъемами. И чем «дальше в город», тем ближе городской идеал равномерности зачатий и рождений с понятным подъемом половой активности весной-летом и ослаблением ее вместе с осенне-зимним замиранием природы. Последовательное сопоставление графиков рождений в деревне, г. Тамбове без учета больничной церкви, регистрации в больничной церкви, отчетности городской акушерской поликлиники, рождений в неправославных конфессиях Тамбова и, наконец, данных биографических словарей дает движущуюся картинку разрушения летнего деревенского пика и превращения его в городскую впадину.

Зная о непригодности для города деревенского типа «размножения» и подозревая в горожанах конца XIX в. большую осведомленность в вопросах контрацепции и контроля за рождаемостью, большие возможности в планировании семьи, можно ожидать уменьшения числа зарегистрированных рождений, приходившихся на один заключенный брак. Но тенденцию к сокращению числа детей в семье демонстрируют лишь давние и «чистые» горожане, не связанные генетически и исторически с русским селом. В Тамбове в конце XIX в. таковыми были представители неправославных конфессий с их 3,63 рождений на брак и, скорее всего, дворяне, высшее чиновничество и купечество (пока нет прямых свидетельств). Для остального огромного большинства (более 93%) города влияние деревенского происхождения, окружения и наплыва было столь велико и неустранимо, что наши горожане вступили в XX век, следуя деревенской «моде» демографического поведения. Например, за 1863, 1865–66 гг. в Тамбовском уезде на один заключенный брак пришлось 5,36 зарегистрированных рождений, в Тамбове – 5,31, за трехлетие 1878–1880 гг. Тамбовский уезд имел 5,04 зарегистрированных

рождения на брак, а Тамбов – 5,03. Через 20 лет в 1898–1900 гг. эти соотношения выглядели как 5,81 и 5,77, а к 1905 г. из-за опережающего роста числа внебрачных детей Тамбов даже обогнал свой уезд, добившись 6,23 ребенка на брак при 5,17 в деревне.

Понятно, что жизнь в стремительно модернизовавшемся городе с деревенским количеством детей в семьях с гораздо большей долей безотцовщины и сиротства (и это было лишь малой частью разворачивавшегося системного конфликта) не оставалось без глубоких культурно-психологических и социально-политических последствий, имевших основной источник – исторически быстрое столкновение деревенского и городского миров, фактически удар крестьянской системы жизни по типологически различному способу жизни российского города. Огромный прилив деревни, спасавшейся из хозяйственно-демографической ловушки, накрыл город в 1890-е гг., с тем, чтобы через несколько лет накатить вновь. Разносистемность города и деревни, высокая скорость движения крестьянской волны обеспечили не переход, не щадащее вращение, а ломку прежних биоритмов с весьма болезненной адаптацией к городским ритмам, имевшей множественные и массовые проявления. Не отдельные люди, группы и социальные слои, а весь город и значительная часть села оказались в маргинальном, активно-переходном состоянии с развитием неизбежного при ломке биоритмов стресса и, следовательно, индивидуальной и массовой социокультурной и социально-политической агрессии, реализовавшейся в системном переходе России в первой четверти XX в.

Примечание

1. См.: Сведения о состоянии народного здоровья. М., 1883; Никольский В. И. Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности. Тамбов, 1885; Отчеты Тамбовской губернской земской больницы за 1895–1904, 1907–1913 годы. Тамбов, 1896–1914; Отчет Козловской земской больницы за 1904 г. Козлов, 1905; Обзоры Тамбовской губернии за 1863–1868, 1978–1901, 1904–1906, 1913 годы. Тамбов, 1864–1914; Медицинские отчеты по Тамбовскому уезду за 1895–1916 годы. Тамбов, 1895–1916; Моллесон И. И. Таблицы рождаемости и смертности. 1898–1900 гг. Тамбов, 1903; Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. Н. Н. Семенова-Тянь-Шанского. Т. 2. СПб., 1907; Борисоглебский уезд за 1912 год. Борисоглебск, 1913; Тамбовский уезд за 1913 год. Тамбов, 1914.

МАТЕРИАЛЫ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РОС- СИЙСКОГО СЕВЕРА

В историко-демографических исследованиях сложился традиционный корпус источников. Это прежде всего учетно-регистрационные документы, фиксирующие гражданское состояние: метрические книги, материалы различных переписей; исповедальные ведомости, сводки медицинской и санитарной статистики и т.п. Мы хотим обратить внимание еще на один источник, содержащий в себе ценную, а порой и уникальную информацию. Иногда в нем дублируются перечисленные документы или воспроизводится их часть, иногда погибшие оригиналы остаются лишь на его страницах. Речь идет о периодической печати.

В Олонецкой губернии, изучением историко-демографических проблем которой занимается группа ученых кафедры источниковедения исторического факультета Санкт-Петербургского университета, периодическая печать, как и в других губерниях России, была представлена двумя группами изданий – периодикой местной и общегосударственной (или, как было принято называть ее в России – печатью провинциальной и столичной). Под провинциальной подразумевалась местная периодика, говоря о столичной, имели в виду газеты и журналы двух столиц – Москвы и Санкт-Петербурга.

Распространение в крае столичных изданий и периодической печати других регионов, отражение на их страницах жизни Олонецкой губернии – тема особого исследования. Мы ограничимся рассмотрением собственно олонецкой периодики [1].

В начале XX в. в Петрозаводске, столице края, выходило полтора десятка газет и журналов. Наиболее заметными из них были «Олонецкая неделя. Еженедельная газета по вопросам политической, церковно-общественной и народной жизни» и «Олонецкое утро. Ежедневная областная общественно-литературная газета». Первая выходила с 1911 по 1917 г., вторая – с небольшим перерывом выпускалась в 1915–1917 гг. В 1916 г. ее читатели получали (взамен временно приостановленного «Олонецкого утра») газету «Олонецкое эхо», которую редактировали те же лица.

Другие частные издания – «Олонецкая мысль» и «Олонецкий край» – просуществовали очень недолго (неделю и три месяца соответственно).

Три печатных органа Петрозаводского земства к периодической печати можно отнести условно, имея в виду их специфическое содержание. К ним

рождения на брак, а Тамбов – 5,03. Через 20 лет в 1898–1900 гг. эти соотношения выглядели как 5,81 и 5,77, а к 1905 г. из-за опережающего роста числа внебрачных детей Тамбов даже обогнал свой уезд, добившись 6,23 ребенка на брак при 5,17 в деревне.

Понятно, что жизнь в стремительно модернизовавшемся городе с деревенским количеством детей в семьях с гораздо большей долей безотцовщины и сиротства (и это было лишь малой частью разворачивавшегося системного конфликта) не оставалось без глубоких культурно-психологических и социально-политических последствий, имевших основной источник – исторически быстрое столкновение деревенского и городского миров, фактически удар крестьянской системы жизни по типологически различному способу жизни российского города. Огромный прилив деревни, спасавшейся из хозяйственно-демографической ловушки, накрыл город в 1890-е гг., с тем, чтобы через несколько лет накатить вновь. Разносистемность города и деревни, высокая скорость движения крестьянской волны обеспечили не переход, не щадящее вращение, а ломку прежних биоритмов с весьма болезненной адаптацией к городским ритмам, имевшей множественные и массовые проявления. Не отдельные люди, группы и социальные слои, а весь город и значительная часть села оказались в маргинальном, активно-переходном состоянии с развитием неизбежного при ломке биоритмов стресса и, следовательно, индивидуальной и массовой социокультурной и социально-политической агрессии, реализовавшейся в системном переходе России в первой четверти XX в.

Примечание

1. См.: Сведения о состоянии народного здоровья. М., 1883; Никольский В. И. Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности. Тамбов, 1885; Отчеты Тамбовской губернской земской больницы за 1895–1904, 1907–1913 годы. Тамбов, 1896–1914; Отчет Козловской земской больницы за 1904 г. Козлов, 1905; Обзоры Тамбовской губернии за 1863–1868, 1878–1901, 1904–1906, 1913 годы. Тамбов, 1864–1914; Медицинские отчеты по Тамбовскому уезду за 1895–1916 годы. Тамбов, 1895–1916; Моллесон И. И. Таблицы рождаемости и смертности. 1898–1900 гг. Тамбов, 1903; Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. Н. Н. Семенова-Тянь-Шанского. Т. 2. СПб., 1907; Борисоглебский уезд за 1912 год. Борисоглебск, 1913; Тамбовский уезд за 1913 год. Тамбов, 1914.

МАТЕРИАЛЫ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РОС- СИЙСКОГО СЕВЕРА

В историко-демографических исследованиях сложился традиционный корпус источников. Это прежде всего учетно-регистрационные документы, фиксирующие гражданское состояние: метрические книги, материалы различных переписей; исповедальные ведомости, сводки медицинской и санитарной статистики и т.п. Мы хотим обратить внимание еще на один источник, содержащий в себе ценную, а порой и уникальную информацию. Иногда в нем дублируются перечисленные документы или воспроизводится их часть, иногда погибшие оригиналы остаются лишь на его страницах. Речь идет о периодической печати.

В Олонецкой губернии, изучением историко-демографических проблем которой занимается группа ученых кафедры источниковедения исторического факультета Санкт-Петербургского университета, периодическая печать, как и в других губерниях России, была представлена двумя группами изданий – периодикой местной и общегосударственной (или, как было принято называть ее в России – печатью провинциальной и столичной). Под провинциальной подразумевалась местная периодика, говоря о столичной, имели в виду газеты и журналы двух столиц – Москвы и Санкт-Петербурга.

Распространение в крае столичных изданий и периодической печати других регионов, отражение на их страницах жизни Олонецкой губернии – тема особого исследования. Мы ограничимся рассмотрением собственно олонечкой периодики [1].

В начале XX в. в Петрозаводске, столице края, выходило полтора десятка газет и журналов. Наиболее заметными из них были «Олонецкая неделя. Еженедельная газета по вопросам политической, церковно-общественной и народной жизни» и «Олонецкое утро. Ежедневная областная общественно-литературная газета». Первая выходила с 1911 по 1917 г., вторая – с небольшим перерывом выпускалась в 1915–1917 гг. В 1916 г. ее читатели получали (взамен временно приостановленного «Олонецкого утра») газету «Олонецкое эхо», которую редактировали те же лица.

Другие частные издания – «Олонецкая мысль» и «Олонецкий край» – просуществовали очень недолго (неделю и три месяца соответственно).

Три печатных органа Петрозаводского земства к периодической печати можно отнести условно, имея в виду их специфическое содержание. К ним

относятся: 1) «Вестник Олонецкого губернского земства», выходивший два раза в месяц с 1907 по 1917 г. Пять лет (1912–1916) в качестве приложения к нему выпускался «Хлебный справочный листок». 2) «Сельскохозяйственный вестник Петрозаводского уездного земства», 1906–1907 и 3) «Текущая сельскохозяйственная статистика Олонецкой губернии [за 1901–1914 гг.]».

Самыми старыми в губернии были две газеты, два печатных органа власти: государственной и церковной.

Первая из них – «Олонецкие Губернские ведомости», вторая – «Олонецкие Епархиальные ведомости». Об их источниковедческой оценке с точки зрения возможного использования в историко-демографических исследованиях края и пойдет речь в данном сообщении [2].

«Олонецкие губернские ведомости» выпускались с 1838 по 1917 г., т.е. без малого 80 лет. Необходимо отметить, что для российской периодической печати это очень солидный возраст, и из тысяч и тысяч наименований газет и журналов, появившихся в России на протяжении 200 лет, едва ли наберется полсотни столь почтенных ветеранов.

Епархиальные ведомости [3] много моложе (начали выходить с 1898 г.), но среди периодических изданий края они занимали второе место по продолжительности жизни после губернских ведомостей.

Перед нами две газеты, в период существования которых сменилось не одно поколение жителей губернии. Сам по себе это факт замечательный, ибо каждое поколение вольно или невольно оставило следы своей жизни и деятельности на страницах названных изданий. Тем самым как бы изначально предопределена потенциальная значимость этих данных в историко-демографических исследованиях. Задача состоит лишь в том, чтобы систематизировать их и научиться утилизировать в исследовательских целях.

Издание «Ведомостей» в Олонецкой губернии, как и в остальных губерниях империи, последовало на основании высочайше утвержденного Положения комитета министров о порядке производства дел в губернских правлениях и в частности об устройстве губернской типографии и издании «Губернских ведомостей». В Петрозаводске первый номер первого местного периодического органа появился 8 января 1838 г. Официальной части его (издавалась она один раз в неделю) выходило 52 номера в год. Неофициальной, или как она называлась в первое время – Прибавлений, в первый год издания вышло 21. Специфика возникновения обусловила и специфику распространения, определила читательскую аудиторию, особенно в первые десятилетия. Вот ее обобщенная характеристика, хранившаяся в начале века в архиве губернского правления:

«...предположено было к печатанию Губернских Ведомостей в начале издания их, именно:

Министру	2
В губернские и областные правления	59
Магистратам и ратушам	7
Уездным и земским судам	14
Думам	7
Казенной Палате, Палате гражданского и уголовного суда, Канцеляриям – Начальника губернии, губернского прокурора, в училище детей канцелярских служителей, в Заводское Правление	9
Становым приставам	15
Волостным правлениям и старостам на праве голов	37
Сельским мирским обществам	158
Всего	308

Столь подробный список мы привели не случайно. Дело в том, что связь «Губернских ведомостей» с этими органами (а позднее и со вновь создаваемыми) не была односторонней – часть их делопроизводственных и других документов иногда «распубликовывалась» на страницах ведомостей «ко всеобщему сведению» и таким образом современный историк, в случае неудачных архивных разысканий может обнаружить их на страницах газеты или, отталиваясь от сообщенных сведений, определить возможные направления архивного поиска [4].

«О частных подписчиках в первые годы на новую и единственную в губернии газету никаких указаний нет; едва ли и можно допустить, чтобы подписчики и были, в виду того, что в то время о газетах, особенно в Олонецкой губернии, и понятия не имели» [5]. Постепенно авторитет, а вместе с ним и интерес к газете растет. В ней начинают принимать участие не только официальные, но и частные лица – врачи, учителя, чиновники, учащиеся старших классов различных учебных заведений губернии – люди, интересующиеся историей своего края, его современным состоянием. Это значительно расширяет тематику выступлений, но вместе с тем делает необходимой более тщательную проверку фактических данных, сообщаемых неофициальными корреспондентами.

Чем же еженедельно, а со временем два и три раза в неделю заполнялись страницы ведомостей [6].

С полным основанием можно сказать, что на страницах ведомостей отражены практически все аспекты жизни края [7]. Некоторые публикации носят ярко выраженный демографический характер и в особом представлении не нуждаются. К примеру, ежегодно, с 1841 г., печатались данные «О числе родившихся, браком сочетавшихся и умерших» (таково название руб-

рики). Численность населения губернии, его движение, народное продовольствие, смертность, рождаемость, количество земли и ее распределение, выдержки из Писцовых книг – эти данные встречаются практически в каждом номере.

Демографа несомненно заинтересуют материалы, посвященные сельскому хозяйству, хлебопашеству, огородничеству, недородам и голоду. Последние, наполненные статистическими данными, рисуют картину народного бедствия, рассказывают о попытках властей и самих жителей преодолеть последствия очередного неурожая. В этой связи в качестве примера можно указать на статьи: «О хлебных недородах в прошлое время» (Олонские губернские ведомости, 1868, № 61), «О хлебных недородах» (Там же, № 21). Опубликованные «Отчеты по раздаче хлеба» (см.: Олонские губернские ведомости, 1868, №№ 13, 22 и 39; 1869, № 24 и др.), безденежному отпуску крестьянам пороха помогают восстановить реальную картину происшедшего и его последствий. Этому же способствует и знакомство с содержанием заметок под названиями: «Выдача пособий...», «Отпуск из Центрального комитета муки...», «Предоставление заработков по случаю неурожая...» и многих других, аналогичных названным.

По всем семи уездам (во все время существования газеты) представлены данные о болезнях. Первое сообщение, выявленное нами, относится к 1739 г. («О моровой болезни в Олонецком уезде», Олонские губернские ведомости, 1897, № 55). Подробная классификация (по болезням, регионам), наличие данных за многие годы предоставляют исследователю материал для обобщений. Аналогичные данные можно найти и в публикациях отчетов больниц.

В некоторые годы еженедельно сообщалось о числе больных и умерших, с обозначением эпидемических болезней. Так было с данными по Петрозаводску в 1867–1870 гг.

Часты сообщения, названные именами населенных пунктов и административно-территориальных делений. Под этими названиями печатались исторические справки, содержащие статистический материал о народонаселении, промыслах или занятиях жителей за время существования того или иного сельца, деревни, города. Так, к примеру, по Лодейному Полю только за первые двадцать лет выхода газеты опубликовано более пятидесяти материалов.

В кратком обзоре невозможно не только дать характеристику публикаций, связанных с демографическими проблемами, но даже просто перечислить их.

В завершение отметим еще одно обстоятельство, связанное с газетой как специфической формой общественной жизни. Сообщаемые в ней разнохарактерные данные, иногда в одном и том же номере, могут порой помочь

исследователю взглянуть по-новому на традиционную проблему, обнаружить новые грани в давно известном.

По определению Св. Синода с 1 июля 1898 г. было разрешено издавать в Петрозаводске «Олонецкие епархиальные ведомости» [8]. Они состояли из двух частей – официальной и неофициальной. Надо сказать, что в данном случае деление это носит условный характер, ибо в определенном смысле «официальной» являлась и вторая часть. Это обеспечивалось тем, что руководство обеими было возложено на официальных лиц церкви, как и их цензурирование.

Оба издания – и губернские и епархиальные ведомости – схожи не только названиями, но и своим содержанием с той лишь разницей, что в первом все освещалось с мирской точки зрения, а во втором – с духовной. Но и разъяснения на духовные темы опирались на фактические данные.

Уже в первом номере опубликовано начало большой статьи «Олонецкая епархия. Ее пределы и население», основанная на анализе большого фактического материала о территории, динамике развития населения и т.п. аналогичных данных. Подобные материалы, посвященные отдельным приходам, монастырям, церквям, встречаются довольно часто [9]. Обычно в них дается полная характеристика прихода в ее динамике: территория, количество деревень, количество домов в деревнях, количество церквей, количество душ по церковным документам. Более подробно, чем в губернских ведомостях, рассматриваются вопросы церковного строительства – раскол, секты, иноверцы, живущие в Олонецкой губернии. [10]. Народное здравие, образование – также предмет постоянного внимания ведомостей.

Исследователи отмечали, что одной из характерных черт губернских ведомостей являются широкие хронологические рамки охвата публикуемого материала. Это в полной мере относится и к епархиальным ведомостям. Достаточно сказать, что на страницах рассматриваемого нами органа печати есть материалы, посвященные X в.

Работа с подобного рода источниками трудоемка, но благодарна. Мы уже говорили, что внимательное знакомство с содержанием самой газеты может предопределить направление последующего архивного разыскания. Иногда сама газета способна дать ответ на сложный вопрос. Во многих отчетах о деятельности духовно-учебных заведений обращал на себя внимание факт отсутствия в некоторых школах Заонежья старших классов. Отчеты эти регулярно печатались на страницах газеты, но ответа на данный вопрос в них не было. Только в «Обращении Назария, епископа Олонецкого к священникам Олонецкой епархии» [11] дан на него ответ. Оказывается, ежегодно, в начале марта, во всем Заонежье происходил набор мальчиков 11-13-летнего возраста и отправка их в столицу «для определения на места».

Сколь масштабны были эти наборы могут подсказать материалы школьной статистики.

Примеры можно множить, но и приведенных, на наш взгляд достаточно, чтобы еще раз подтвердить уже высказывавшееся мнение о ценности и многогранности губернских ведомостей как исторического источника. Нам кажется, что с полным основанием эту оценку можно распространить и на епархиальные ведомости, которым в отечественной историографии повезло меньше. Несомненно, что использование этих источников явится дополнительным стимулом развития историко-демографических исследований, возможно, укажет на новые аспекты изучения традиционных проблем демографии.

Примечания

1. В работе использованы материалы следующих изданий: Библиография периодических изданий России 1901–1916. Т. 1–4. Л., 1958–1961; Лисовский Н. М. Библиография русской периодической печати 1703–1900 гг. Изд. 2-е. Пг., 1915. Русская периодическая печать. (1702–1894). М., 1959.
2. О значении губернских ведомостей как общен исторического источника см.: Дейч Г. М. Губернские ведомости как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины, т. IX. Л.: Наука, 1978. С. 236–253; Озерова Г. А. Источники краеведческой библиографии (Губернские ведомости и указатели их содержания) / Труды ГИБ. II(6). Вопросы библиотековедения и библиографии. Л., 1957. В 1959 г. вышла работа Н. Н. Уланчика «Минские губернские ведомости как исторический источник», в которой автор рассматривает ведомости как источник по истории крестьянства Белоруссии (См.: Уланчик Н. Н. «Минские губернские ведомости» как исторический источник // Проблемы источниковедения. М., 1959. С. 112–149).
3. К сожалению, данных о епархиальных ведомостях в современной историографии практически не существует.
4. Ни один периодический орган российской печати не подвергался столь частой и подробной правовой регламентации. За время существования ведомостей было принято более 30 законов, регулировавших порядок их издания. См.: Дейч Г. М. Указ. соч. С. 236–253.
5. Столетие Олонецкой губернской типографии (1805–1905 гг.). Краткий историко-статистический очерк. Петрозаводск, 1905. С. 39.
6. К «Олонецким губернским ведомостям» существует несколько указателей содержания: 1. Указатель к Олонецким губернским ведомостям (1838–1870 годы). Сост. К. М. Петровым. Петрозаводск, 1871; 2. Указатель к Олонецким губернским ведомостям (1871–1875 годы). Петрозаводск, 1876; 3. Указатель к Олонецким губернским ведомостям (1895–1900 годы). Сост. К. С. Еремеевым под ред. Левитского. Петрозаводск, 1902; 4. Указатель к Олонецким губернским ведомостям (1901–1905 гг.). Сост. С. И. Благовещенский. Петрозаводск, 1908. Работа с ними осложнена тем, что при общем обилии

и подробности (более 200 рубрик) рубрикация первых выпусков заметно отличается от принципов группировки, принятых в следующих. Необходимо учитывать и тот факт, что не вся газетная информация отражена в указателях. Особенно это относится к мелким сообщениям, в обилии печатавшимся в начале XX в., но встречающимся и раньше. (Так, в одном из номеров 1842 г. [№ 30] сообщалось: «С 1833 по 1842 г. уволено в Олонецкую губернию в бессрочный отпуск 335 нижних чинов. Из них: занимаются хлебопашеством 127, помогают родителям 152, занимаются мастерствами 4, в услужении 39». О 13, судя по всему, данных нет).

7. Наиболее широко представлены следующие рубрики: Акты исторические, Акциз с питей, Аренды, Археология, Библиотеки, Биографии и некрологи, Болезни, Больницы, Былины, Винокурение, Виноторговля, Владельцы, Военская повинность, Голод, Горнозаводская промышленность (Горнозаводское дело), Границы, Доходы, Железные дороги, Заводы, Звероловство и охота, Земство, Исторические статьи и материалы, Климат, Комитеты, Крестьяне, Кустарная промышленность, Лесное дело, Народонаселение, Образование, Общества, Пароходство и судоходство, Писцовые книги, Пожары, Предания, Преступность, Продовольствие, Промыслы, Пути сообщения, Раскол, Сельское хозяйство, Скотский падеж, Скотоводство, Смертность, Справочные цены, Статистика (Статистический комитет), Суд, Торговля, Училища, Фабричный вопрос, Хлебопашество и хозяйство, Ярмарки.
8. К сожалению, общих указателей содержания к ним не существует. Годовые подшивы вместе с самим издашем, как правило, запаздывают на 2-3 года и не все выявлены.
9. См., к примеру: Распространение христианства в Олонецком крае // Олонецкие епархиальные ведомости, 1898, № 5; Об открытии новых приходов // Там же, № 12; Кондушский приход, Вытегорского уезда // Там же, 1899, №№ 18 и 19; Гимольский приход, Повенецкого уезда // Там же, 1900, № 6; Село Визана // Там же, № 12; Историко-статистическое описание Рубежской церкви и прихода ее со времени их основания // Там же, 1902, №№ 19, 22-24.
10. См.: Раскол в Олонецкой губернии // Олонецкие епархиальные ведомости, 1998, №№ 1, 4, 6, 12; О расколе в Троицком приходе Каргопольского уезда // 1900, №№ 2, 3; Каргопольские «бегуны». Краткий исторический очерк // Там же, №№ 10-12.
11. См.: Олонецкие епархиальные ведомости, 1899, № 6.